

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА СТУДЕНЧЕСКИХ НАУЧНЫХ РАБОТ¹

WINNERS OF STUDENT PUBLICATIONS

Е. Царёва

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ СИБИРИ

Е. Tsareva

PRISONERS OF WORLD WAR I IN THE MUSICAL LIFE OF SIBERIA

В настоящей статье, опираясь на ряд неопубликованных материалов, а также исторические исследования, впервые предпринимается попытка рассмотреть влияние военнопленных Первой мировой войны на музыкальную жизнь городов Сибири с 1914 по начало 1920-х годов. В ходе работы были обнаружены многочисленные факты активного социокультурного взаимодействия между иностранными пленными и сибиряками, обогащавшие музыкальную жизнь и влиявшие на поступательное развитие музыкальной культуры региона.

Ключевые слова: военнопленные Первой мировой войны, Сибирь, оркестр, музыкальная жизнь, музыкальная культура.

A number of unpublished material, as well as historical research is used in this paper. The impact of prisoners of war on the musical life of Siberian cities from 1914 to early 1920 was considered. Numerous cases of active social and cultural interaction between foreign prisoners and Siberians were found in the course of work. They enriched the musical life and influenced the ongoing development of musical culture of the region.

Key words: POWs of World War I, Siberia, orchestra, musical life, musical culture.

Сибирский регион использовался российским государством как место ссылки еще с конца XVI века [68, 20]. Среди политических ссыльных было немало высокообразованных людей, чья деятельность в Сибири имела мощное просветительское значение.

Весомый вклад в музыкальное просвещение Сибири внесли первые русские революционеры-декабристы – представители дворянского общества, российской военной элиты. Как отмечает известный исследователь истории музыкальной культуры Сибири Т. Роменская, их музыкально-общественная деятельность в Сибири – явление исключительное по масштабам и значению [68, 261].

Заметную роль в формировании системы профессиональной музыкальной культуры на территории Сибири сыграла деятельность

польских ссыльных, в том числе участников крупных восстаний 1830 и 1863 годов. Среди них были и музыканты, принимавшие активное участие в музыкальной жизни сибирских городов. В исследовательской литературе приводятся многочисленные факты их музыкально-общественной деятельности, значительно обогатившей сибирскую концертно-театральную жизнь. Можно говорить о «польском вкладе» именно в профессионализацию музыкального искусства, в развитие музыкального образования в регионе [14; 68; 69].

В данной работе нас заинтересовало многолетнее присутствие (1914–1922) на территории Сибири сотен тысяч военнопленных одной из самых масштабных войн в истории человечества – Первой мировой. Их интеграция в музыкальную жизнь региона в последнее время начинает активно изучаться в качестве самостоятельной темы. Большая работа в этой области проделана А. Недоспасовой [29; 49]. Однако, несмотря

¹В данном разделе публикуются работы победителей конкурса студенческих научных работ, который проводился в Ростовской консерватории в 2011–2012 гг.

на усилившийся в последнее время интерес российских ученых к теме положения иностранных пленников Первой мировой войны, в том числе и в Сибири, их музыкально-творческой деятельности, культурному взаимодействию с местным населением в научной литературе отводилось места несоизмеримо меньше, чем юридическим, экономическим, политическим аспектам.

1. Положение военнопленных Первой мировой войны в Сибири

Точных сведений о численности военнопленных на территории России в период Первой мировой войны нет, во всяком случае, их трудно обнаружить. В исследованиях отечественных и иностранных ученых, в основном, фигурируют цифры от 2 до 2,5 миллионов солдат и офицеров Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции – так называемых Центральных держав. Еще до их появления в Сибири находились «гражданские пленники», то есть лица, которые в соответствии с современным международным правом классифицируются как интернированные. Это были принудительно задержанные подданные Германии и Австро-Венгрии, проживавшие на территории Европейской России и не принимавшие участие в военных действиях². В феврале 1915 года в Тобольске их было 720 человек, в Тюмени 154, не считая членов семей [51; 74; 78, 287].

Военнопленные начали поступать в Сибирь уже в первые месяцы Первой мировой. В Красноярск первый эшелон с военнопленными прибыл 18 сентября 1914 года [12, 45]; зимой 1915–1916 года в городе насчитывалось уже около 13000 пленных разных национальностей – австрийцев, немцев, венгров, словаков, чехов, румын, сербов, поляков, итальянцев, турок и др. К лету 1915 года количество расквартированных пленных в Омском (куда входила территория современной Западной Сибири) и Иркутском (Восточная Сибирь) военных округах достигло 352000 человек [79].

Сибирь не была готова к приему такого внушительного потока военнопленных; в малых городах количество прибывших пленных могло превышать численность коренного населения, как, например, в Сретенске, где местных жителей в этот же период насчитывалось не более 7 тысяч [77, 124]. В условиях сурового климата обострился дефицит отопляемого жилого фонда.

Военнопленных размещали в свободных казармах военного ведомства и в различных иных

помещениях – заброшенных монастырях, тюрьмах, складах, скотобойнях, цирках, школах (во время летних каникул), частных домах и др. Ссылаясь на воспоминания самих иностранных военнопленных, исследователь И. Шлейхер пишет о том, что чаще всего далеко за городами устраивались примитивные лагеря из землянок [79]. Высшие армейские чины, особенно в малых городах, могли быть поселены вместе со своей прислугой на частных городских квартирах [12, 42; 13, 156; 59, 66; 77, 125; 79].

Недостаток казарменных помещений убедил власти в необходимости строительства специальных концентрационных лагерей. Всего в России к 1917 году насчитывалось более 400 таких лагерей, в том числе, 28 – в Омском и 30 – в Иркутском военном округе [13, 157]. В Красноярске местом размещения основной массы военнопленных³ стал лагерь, расположившийся в нескольких километрах от города в районе так называемого военного городка. Пленных солдат и офицеров поселили в казармах с высоким деревянным забором с колючей проволокой и сторожевыми вышками [30; 7, 142]. Так как количество военнопленных возрастало, то в городке начали строить бараки, а затем копать и землянки, в которых, в основном, жили младшие военные чины [30].

Согласно утвержденному Николаем II 7 октября 1914 года «Положению о военнопленных», с ними, «как с законными защитниками своего отечества», надлежало «обращаться человеколюбиво» (цит. по: [63]). Привлечение к работе было обязательным только для нижних армейских чинов. Пленные офицеры могли работать, если имели на то желание, они же занимали лучшие помещения, питались в офицерской столовой либо готовили сами, получали жалование соответственно их чину, по нормам, установленным для военнослужащих русской армии, денежные переводы с родины, широко пользовались помощью представителей Красного Креста, им разрешалось иметь денщика [12, 35; 13, 157; 79].

Как пишет в своем диссертационном исследовании А. Н. Талапин, лагеря в Сибири не были основным местом пребывания военнопленных [75, 28]. Л. Ощепков указывает, что лагеря выполняли, в основном, функции бирж труда и транзитных центров. В них постоянно находились лишь офицеры, больные и неспособные к труду нижние чины, а также те, кто был занят обслуживанием нужд лагеря, и отбывающие

² Подобные репрессии коснулись и обрусевших немцев, родившихся и выросших в России [51].

³ О. Ф. Гордеев приводит факты, указывающие на то, что крупные партии военнопленных размещались еще в четырех бараках на берегу Енисея напротив железнодорожного моста [12, 45].

наказание за нарушение дисциплины [63]. Интересен факт: на совещании у Енисейского губернатора, состоявшемся в 1916 году, местные торговцы заявили, что в Красноярске «военный городок производит впечатление веселого пансиона для знатных иностранцев» [30].

2. Музыканты-военнопленные Первой мировой войны.

Музыкальная жизнь в сибирских лагерях

Военнопленные Первой мировой войны в Сибири представляли собой разноликое сообщество. Немало было среди них и музыкантов – как любителей, так и профессионалов разных уровней, в том числе выпускников европейских консерваторий, солистов опер, артистов оркестров, композиторов, а также музыкальных мастеров.

Чтобы составить представление не только об уровне образованности многих военнопленных, но и об их, к сожалению, типичной дальнейшей судьбе в советской России, приведем сообщение Ии Александровны Петерфи. Она обратилась за помощью в поиске любой информации о своем отце – бывшем военнопленном офицере: «Его имя... Andras Peterffy, 1892 г. р., венгр, уроженец хутора Лацлотанья, бывшая Австро-Венгрия, ныне территория Румынии. На родине окончил университет, играл на скрипке и фортепиано, был страстным книголюбом и библиофилом... попал в плен в 1914–1915 гг. ...остался в СССР на пмж, работал главным инженером по мелиорации в Министерстве с/х республики Бурятия в Улан-Удэ до 1935 г. ...в 1938 г. был расстрелян...» [8] (курсив мой. – Е. Ц.)

Можно предположить, что музыканты были не только среди офицерского состава военнопленных, но и среди рядовых. В стране остро стояла проблема дефицита рабочей силы, и дешевый труд военнопленных солдат был очень востребован. По решению властей в прессе тех лет регулярно печатались списки «незанятых» пленных и их профессий, где наряду с рабочими назывались и музыканты [12, 56; 74; 63]. Маловероятно, чтобы офицеры значились в подобных «бюро труда» наряду с солдатами. Тем более, что офицеры могли искать и выбирать себе в городах высокооплачиваемую работу по своему усмотрению. Их приглашали в качестве учителей в частные дома, где они могли давать, в том числе, и уроки музыки [13, 160; 60, 128; 78, 288].

Как культурное явление своего времени музыкальная жизнь в сибирских лагерях для военнопленных представляет немалый научный интерес. Зачастую именно в них создавались

музыкальные ансамбли, хоры, оркестры, там же начиналась их концертная деятельность, которая в дальнейшем, получив популярность и признание, распространялась на весь город.

Наличие музыкальных инструментов в лагерях для военнопленных было типичным явлением [3, 185]. Часть из них была привезена из Европы самими пленными (вероятнее всего, офицерами) [7, 142]. Кроме того, при лагерях создавались мастерские, где, кроме одежды, обуви и других предметов бытовой необходимости, изготавливались также и музыкальные инструменты [1, 32; 77, 138]. Капитан австралийской армии Е. У. Лэтчфорд, направленный в 1918 году в Сибирь для несения службы в Британской военной миссии, вспоминал, как в Иркутске услышал оркестр венгерских военнопленных. Особенно же его поразило, что все инструменты для оркестра были сделаны «прямо в лагере» и при этом «они действительно *играли*» [52].

В числе популярных способов времяпрепровождения пленных офицеров в Тобольске А. Валитов называет пение и музицирование. Так, при посещении казарм военнопленных делегацией от Красного Креста перед ней «выступил струнный оркестр из числа офицеров, а баритон пропел несколько серенад Шуберта». В одном из офицерских барачков построенного в 1915 году концентрационного лагеря в Тобольске был «зал для развлечений», в число которых входили и художественные мероприятия, что подтверждает следующий факт: на смерть императора Австро-Венгрии Франца Иосифа военнопленные отреагировали объявлением траура с отменой концертов и спектаклей на шесть недель [5].

Военнопленные в Надинске, как и в Красноярске, были размещены в лагере на территории бывшего военного городка. Там же имелось офицерское казино. Перед ним «каждый день с 2-х до 5-ти часов после обеда играла венгерская капелла. При плохой погоде музыканты играли в помещении» [79]. Показателем регулярности музыкально-театральных событий в военном городке Красноярска может служить факт устройства в одном из барачков зала и сцены: «В длинном зале-барачке с кирпичными стенами была построена на аршин от пола «эстрада» – деревянный настил, а перед ней несколько десятков скамеек...» [7, 142].

В мемуарах А. П. Иванова-Радкевича, сына известного в Красноярске музыкально-общественного деятеля П. И. Иванова-Радкевича, особое место уделено знакомству с военнопленными музыкантами. Яркими вспышками остались в его памяти полные трепета

впечатления от посещения концертов в красноярском лагере для военнопленных: «Вызывало восхищение известие о том, что в городке военнопленных состоится концерт симфонического оркестра, и в назначенный день мы, несколько гимназистов, отправились в городок... Когда прошли версты 2–3 по заснеженной степи, обжигаемые сухим морозным ветром, то унылые неприглядные одноэтажные бараки за забором, увенчанные колючей проволокой и сторожевыми вышками, показались нам желанным и долгожданным приютом... Все было так необычно, так фантастично в этих условиях барака в степи, деревянные скамьи, кирпичные стены и тут же дивные, незнакомо прекрасные звуки валторны! Это неповторимое „ля“ во вступлении к „Онегину“ никогда не забудется» [7, 142–143].

3. Военнопленные Первой мировой войны в музыкальной жизни Тобольска, Тары, Омска, Томска, Верхнеудинска, Читы, Хабаровска и др.

Как утверждают исследователи, развитие музыкального искусства и специального образования в **Тобольске** получило мощный стимул в годы Первой мировой войны именно благодаря деятельности «пришлых» иностранных творческих сил [6, 36; 78, 288]. Чех Г. Лукинич организовал в городе симфонический оркестр, который получил право разъезжать с гастрольями по России. Концерты с участием иностранных артистов регулярно устраивались в залах Общественного собрания и Городского театра. Выступления оказавшихся в Тобольске европейских музыкантов пользовались огромной популярностью у местных жителей. Сохранились воспоминания современницы описываемых событий Е. Чекмезовой: «Купив за 40 коп. ученический билет, мы с упоением слушали сонаты Грига, симфонии Бетховена, знакомились с музыкой Скрябина и Аренского... Послушав в воскресенье концерт, я ходила всю неделю как в тумане» (цит. по: [6, 37]).

В Тобольске военнопленные и интернированные иностранные граждане активно проявили себя и на музыкально-педагогическом поприще. Местные газеты пестрили их объявлениями о частных уроках. Особенно выделялся своими профессиональными педагогическими качествами австрийский пианист Алоиз Гро. Публичные выступления его подопечных проходили в Общественном собрании, что свидетельствует об их достойном профессиональном уровне.

Безусловной заслугой иностранных артистов стало оживление концертной и музыкально-

образовательной деятельности Тобольского отделения Русского музыкального общества, куда вошли А. Гро и Г. Лукинич. Иностранцы приняли непосредственное участие в организации и работе Томского музыкального училища. Идея его создания была отнюдь не нова, но именно благодаря настойчивости военнопленных музыкальные классы Тобольского отделения ИРМО 30 декабря 1918 года были преобразованы в училище [6, 37; 69, 418]. В преподавательский состав вошли пианисты А. Гро (он же временно выполнял обязанности директора) и германский подданный О. Гершельшан. Опытные иностранные музыканты явились бесценными кадрами для Тобольска: когда летом 1919 года они уехали из города, занятия в училище были сорваны [6, 37].

В небольшом городке Тобольской губернии **Таре** военные и гражданские пленные также значительно обогатили местную музыкальную жизнь. По данным В. Носковой, в городе с численностью местного населения около 9000 во время войны оказалось 1000 иностранных пленных. Были среди них и профессиональные музыканты. Они организовали оркестр и струнный квартет. Их выступления проходили в здании городской женской гимназии. В числе временно оказавшихся в Таре музыкантов исследователь называет ссыльного российского немца Е. Краузе, военнопленного венгра Э. Раткопера, австрийского солдата Ф. Функа. Последний, уже при советской власти, заведовал музыкальной школой, разместившейся в тарском Доме учителя [59, 69].

В **Омске**, как и во многих других западносибирских городах, у военнопленных был свой оркестр, объявления о концертах которого довольно часто размещались в местной прессе [75, 86]. Это был далеко не единственный их музыкальный коллектив в городе. Н. Греков упоминает, что при организованной в доме братьев Нольте мастерской, где трудились 80 пленных, был сформирован оркестр из австрийцев [13, 160].

Велика была роль военнопленных Первой мировой войны в формировании музыкально-культурного пространства таких городов, как **Верхнеудинск** и **Чита**. Известно, что в период существования буферного государства Дальневосточной республики (ДВР), в его столице Верхнеудинске в апреле 1920 года был сформирован оркестр из 50 музыкантов. Судя по обилию иностранных фамилий, бывшие военнопленные значительно укрепили его состав: А. Гордон – дирижер, Л. Клейман – концертмейстер, Л. Розенберг, Владислав Томаш, Мезан, Иосиф Освальд, Франк Мукк, Стефан Зюсс, Осиф Натацинский, П. Кремер, Зигфрид Гер-

стер и др. Оркестр должен был выступать три раза в месяц [10, 98].

С переводом столицы ДВР в Читу осенью 1920 года в ней был создан симфонический оркестр, в который наряду с местными музыкантами также вошли бывшие военнопленные. Этот оркестр в Чите насчитывал 46 артистов, руководил им А. Н. Столин. О творческом потенциале коллектива говорят программы его первых концертов, прошедших в городе в ноябре 1920 года. Оркестром были исполнены «Неоконченная симфония» Ф. Шуберта, «Итальянское каприччио» и Фантазия на темы оперы «Евгений Онегин» П. Чайковского, сюита «Пер Гюнт» Э. Грига, Увертюра к опере «Вильгельм Телль» Дж. Россини [10, 99].

В Хабаровске в 1918 году был создан симфонический оркестр из военнопленных под управлением чеха Волчека. Коллектив успешно вел концертную деятельность и завоевал большую любовь местной публики [3, 185].

Военнопленные музыканты насыщали не только академическую концертную жизнь сибирских городов. Их деятельность явилась неотъемлемой частью и общественного музыкального быта сибиряков. Так, весьма распространенным явлением художественной жизни Сибири и Дальнего Востока была игра военнопленных в кинотеатрах и в различных питейных заведениях. В Томске в 1915 году оркестр военнопленных чехов сопровождал немые кинокартины в местном иллюзионе «Глобус» [31, 308]. В Омске в 1917 году в кинотеатрах «Одеон» и «Гигант» играл «струнный оркестр военнопленных славян» [4, 333–351]. В приморских городах Спасск, Шкотово и других военнопленные также работали в иллюзионах. Т. Иконникова подчеркивает, что залогом процветания подобных заведений становились как раз оркестры и ансамбли из военнопленных музыкантов [71]. В Хабаровске в годы Первой мировой войны особой популярностью среди горожан пользовалась кофейня «Чашка чаю», благодаря регулярно выступавшему там с 1915 по 1918 год струнному оркестру военнопленных [3, 186; 71].

4. Военнопленные в музыкальной жизни Красноярска в годы Первой мировой и Гражданской войн

Красноярская периодика тех лет сохранила немало свидетельств активного участия в ней военнопленных. Либерально настроенные местные власти позволили им организовать свои музыкальные коллективы, войти в составы местных творческих объединений, выступать с сольными произведениями, а также в совмест-

ных концертах и камерных ансамблях с красноярскими музыкантами и гастролерами.

Наибольшей популярностью среди красноярцев пользовался симфонический оркестр пленных офицеров под управлением венгра Дезидерия Больдиша, выступавший на городских сценах до начала 1920 года. Первоначальный состав оркестра насчитывал 60 музыкантов (1915).

В начале своего создания оркестр был полностью укомплектован только духовыми инструментами. Большую часть струнных – скрипок, альтов, виолончелей, контрабасов – военнопленные мастера сделали сами на второй-третий год существования коллектива [1, 32]. Среди оркестрантов Больдиша были именитые музыканты, играющие на великолепных инструментах: солисты оркестра Берлинской оперы трубач Карл Волль и валторнист Карл Фельгентрефф; скрипачи-виртуозы венгры Герих Годоши и Альберт Мелеш. Последнего, по свидетельству А. Иванова-Радкевича, после окончания войны Глазунов приглашал на должность профессора в Петроградскую консерваторию [7, 143].

Серьезный творческий коллектив привлек к себе внимание многих красноярских любителей искусства. Попасть на закрытую территорию лагеря, пусть даже с невинной целью – послушать игру музыкантов, – было не так просто: требовалось специальное разрешение [20]. Доступные для широкой публики концерты симфонического оркестра Д. Больдиша – на сцене Городского театра, в зале Общественного собрания – стали настоящим праздником для красноярцев, всегда собирали полные залы и сопровождались лестными отзывами в прессе: «Игра оркестра с удовольствием слушалась публикой и последние громко награждали ее аплодисментами» [56]; «...Публика была в восторге от оркестра военнопленных» [32]; «Репертуар и исполнение его настолько хороши, что выступление этого оркестра удовлетворило бы знатоков музыки европейских городов» [20]⁴. В основном,

⁴ Сибирский историк А. Талапин обращает внимание и на иную точку зрения современников и приводит достаточно резкое высказывание корреспондента «Томского вестника» от 18 января 1915 года, в полной мере отражающее существовавшую в те годы общественную позицию: «Эти враги, которые... стреляли в наших отцов, наших детей, которые разорили нашу родину, насильствовали женщин, убивали младенцев... сегодня будут извлекать сладостные звуки... Что теперь скажут эти самые пленные, которым мы намерены аплодировать? А скажут они, что мы люди дикой Сибири, где нет ни искусства, ни науки и где публика обрадовалась им, представителям культуры. Где же дикому сибиряку послушать музыку? ...Мы не слышали, чтобы в Германии и Австрии наши пленные выступали на эстрадах» [75, 115].

выступления этих музыкантов носили благотворительный характер, полученные средства направлялись в пользу детских приютов и различных обществ города.

Репертуар симфонического оркестра военнопленных отличался богатством и стилевым разнообразием, о чем свидетельствуют уцелевшие газетные публикации, концертные афиши, воспоминания современников. Среди упоминаемых в архивных материалах произведений Симфония № 5 Бетховена, «Шотландская» симфония Мендельсона, симфония «Из Нового света» Дворжака, оркестровая сюита «Пер Гюнт» Грига, Серенада для струнного оркестра Чайковского, увертюры из опер «Нюрнбергские Мейстерзингеры» Вагнера, «Руслан и Людмила» Глинки, отрывки из оперы «Евгений Онегин» и балета «Щелкунчик» Чайковского [2; 7, 142–143; 23; 26; 27]. Этот список достаточно красноречив.

Появление в городе музыкантов высокого профессионального уровня дало возможность осуществить в 1916 году заветную мечту красноярского композитора П. Иванова-Радкевича – концертную постановку его детища, оперы «Царевна Земляничка» с оркестром, исполнявшуюся ранее только в сопровождении фортепиано. Это был поистине грандиозный интернациональный проект, в котором участвовали местные музыканты, артисты из симфонического оркестра военнопленных Д. Больдиша, учащиеся женской и мужской гимназий Красноярска. Дирижировал оперой сам автор [1, 32, 39–42; 7, 124, 143].

Сын композитора (в то время гимназист, только начинавший свой путь на музыкальном поприще, но уже полноправный участник этого «сборного» оркестра) так вспоминал о непревзойденном мастерстве иностранных коллег – военнопленных музыкантов: «...С валторнистом Карлом Фельгентреффом... в течение 2-х сезонов я, сидя рядом, играл партию 2 Corni. Фельгентрефф был подлинный художник и его коллеги по оркестру военнопленных... заметно выделяли его своим отношением: чувствовался его авторитет и их преклонение перед мастером. ореол солиста оркестра Берлинской оперы Фельгентрефф заслуживал» [7, 198]. «Царевна Земляничка» в сопровождении оркестра ставилась на красноярской сцене вплоть до середины 1919 года [24].

Военнопленные музыканты исполняли и камерно-инструментальную музыку, объединяясь в разные составы. Особую любовь публики завоевал венгерский струнный квартет, наделявшийся в газетных рецензиях эпитетом «художественный». Роль идейного лидера и

первой скрипки в нем играл А. Мелеш. Широта репертуара иностранных артистов поражает: вниманию слушателей предлагались опусы Гайдна, Моцарта, Бетховена, Шумана, Гольдмарка, Грига, Дворжака, Чайковского, Бородина, Римского-Корсакова, Глазунова и др. [11; 25; 34; 35; 36].

Среди военнопленных Первой мировой войны в Красноярске были не только музыканты-инструменталисты. Так, в марте 1919 года местная пресса анонсировала концерт хора из 70 военнопленных офицеров, среди участников которого были указаны «артисты заграничной оперы». Художественным руководителем и дирижером был незаурядный музыкант Осман Кашич. На широкие исполнительские возможности хора указывал и выбор концертной программы – произведения Россини, Вагнера, Глинки, а также русские, финские, венгерские и скандинавские народные песни [22].

На благотворительных вечерах военнопленные выступали и с сольными номерами, а также в сопровождении симфонического оркестра Д. Больдиша. Из таких музыкантов назовем скрипачей А. Мелеша и Г. Годоши, виолончелиста И. Мангольда, пианистов-композиторов О. Кашича и А. Кнана, артистов Будапештской оперы Куя и Ф. Погана (баритоны). Кроме игры в симфоническом оркестре, художественном струнном квартете и других камерных ансамблях, А. Мелеш и Г. Годоши давали и сольные концерты. В их программе было многое из того, что составляет золотой репертуар скрипача: произведения Венявского, Сарасате, концерты для скрипки с оркестром Мендельсона и Сен-Санса, миниатюры Баха, Крейслера, Губая и др. [2; 7, 142–143; 17; 22; 23; 25; 27; 33; 55].

Творческое общение местных и пленных музыкантов рождало талантливые камерные ансамбли. Осман Кашич сопровождал выступления красноярских «звезд»: вокалистов П. Слоцова и М. Риоли-Слоцовой, балалаечника В. Авксентьева. Молодые пианисты – перспективные ученики красноярского музыкального педагога П. Иванова-Радкевича – Л. Козлов и Л. Гинцбург совершенствовались в искусстве концертмейстера, аккомпанируя А. Мелешу. В исполнении творческих союзов – А. Мелеш, В. Оносов, Л. Козлов и А. Мелеш, И. Мангольд, Л. Козлов – красноярцы получили возможность услышать такие сокровища камерно-инструментальной музыки как Трио Бетховена (c-moll) и Трио Фолькмана (F-dur) [2; 18; 55].

Благодаря высокому профессионализму военнопленные музыканты приглашались в совместные концерты с видными гастролирующими артистами. Так, 1 марта 1919 года в

Общественном собрании состоялся благотворительный вечер, в котором приняли участие известная московская исполнительница русских песен Е. Воскресенская-Соколова (сопрано), артист «Оперы С. И. Зимина» Н. Егидерев (баритон), петроградский артист-куплетист Катаев-Комаровский, а также скрипач А. Мелеш и пианист О. Кашич [21]. В сопровождении последних свою танцевальную программу в декабре 1919 года демонстрировала красноярцам московская балерина Е. Новикова, а 7 декабря того же года на сцене Общественного клуба состоялся большой концерт при участии Е. Новиковой, Г. Годоши, Ф. Погана и др. [28; 29]

Как и в других городах, красноярские военнопленные музыканты тоже играли на вечерах, городских гуляниях, в различных местах общественного отдыха. Не только работодатели – частные предприниматели были инициатором подобных «музыкальных сопровождений», но, как отмечает ряд исследователей, и городская управа стремилась заполучить в свое распоряжение «дешевых» пленных музыкантов [74; 75, 115].

5. Военнопленные Первой мировой войны в музыкальной жизни Красноярска в первые советские годы

Первые годы окончательного установления советской власти в Сибири (начало 1920-х годов) в исторической литературе отмечены как время колоссального подъема местной музыкальной культуры – резкого увеличения сети ее учреждений, активного становления системы профессионального музыкального образования, бурного развития концертной и музыкально-театральной жизни в регионе. На примере Красноярска можно с уверенностью утверждать, что, несмотря на основную причину происходивших преобразований – смену общественной формации, – военнопленные музыканты сыграли в культурном процессе не последнюю роль.

В Красноярске, с прочным установлением советской власти в январе 1920 года, музыканты-военнопленные Первой мировой войны, теперь уже объявленные свободными гражданами, обязанными подчиняться советским законам [30], оказались широко востребованными в начатом большевиками культурном строительстве.

Иностранные военнопленные музыканты продолжали концертную деятельность и в начале 1920-х годов, пополняли составы многих музыкальных коллективов, работали в культурно-просветительских учреждениях (например, в

клубе имени К. Либкнехта) работали таперами в красноярских кинотеатрах [66, 52; 67, 36; 72, 52]. В одном из барачных военного городка функционировал так называемый Венгерский театр [39; 70, 5].

В Первом Советском (бывшем Городском) театре иностранные силы составляли ровно половину всей труппы [53, 35], как и созданного при театре симфонического оркестра [53, 160–163]. При участии этого оркестра в Красноярске были поставлены оперы «Паяцы» Леонковалло, три картины из «Евгения Онегина» Чайковского, «Аскольдова могила» Верстовского, «Запорожец за Дунаем» Гулака-Артемовского; оперетты «Жрицы огня» Валентинова, «Корневильские колокола» Планкетта, «Красное солнышко» Одрана, «Мартин-Рудокон» Целлера, «Месть цыганки» Северского, «Цыган-премьер» Кальмана и др. Кроме того, оркестр практически постоянно играл в антрактах драматических спектаклей [15, 32; 37; 53, 208; 61], сопровождал выступления солистов, а также давал собственные концерты. В его репертуар входила как классическая музыка, так и произведения «легкого» жанра: «Рюи Блаз» Мендельсона, «Робеспьер» Литольфа, «Рассвет на Москве-реке» из оперы «Хованщина» Мусоргского, «Камаринская» Глинки, «Песня без слов», музыка из балетов «Спящая красавица» и «Щелкунчик», Патетическая симфония Чайковского, «Смерть Озе» из сюиты «Пер Гюнт» Грига, Вторая венгерская рапсодия Листа, «Неоконченная» симфония Шуберта, «Эгмонт», Пятая симфония Бетховена, вальс из оперы «Елка» Ребикова, «Кавказские эскизы» Ипполитова-Иванова, увертюры Зуппе [15, 33; 38; 40; 41; 61, 55–67]. И это далеко не полный список того, что прозвучало в исполнении интернационального симфонического оркестра в Красноярске только за один 1920 год.

В 1918 году большевиками был заключен мирный договор с Центральными державами, согласно которому все военнопленные должны были вернуться на родину. Из-за разгоревшейся гражданской войны организованная массовая эвакуация пленных в Красноярске началась только осенью 1920 года, но и она растянулась на несколько лет. Были и те, кто пожелал остаться, несмотря на то, что советское правительство ни в коей мере не препятствовало, если не сказать «содействовало», выезду иностранных граждан [54, 34, 55–56]. Отъезд находящихся среди них грамотных специалистов не лучшим образом отразился на музыкальной жизни Красноярска; особенно сильный удар пришелся на симфонический оркестр. В отчете о работе Подотдела искусств за 1920 год – ведомстве, объединяющем все творческие силы города, – читаем: «Нельзя

обойти молчанием, что симфонический оркестр, как таковой, перестает существовать. Основной причиной этому является отъезд военнопленных на родину» [61, 24].

В открытии 1 мая 1920 года первой централизованной мастерской музыкальных инструментов в Красноярске – также большая заслуга иностранных специалистов из бывших военнопленных Первой мировой войны. По сообщениям газеты «Красноярский рабочий» от 18 декабря 1920 года, абсолютное большинство мастеров – бывшие военнопленные [42], «с отъездом которых все остановится...» [16, 17].

Музыкальная мастерская располагалась в маленьком, непригодном складском помещении. Она занималась ремонтом и изготовлением различных музыкальных инструментов, а также необходимого для ведения культурно-просветительской работы хозяйственного инвентаря [9, 88; 15, 34; 46; 61, 55]. Несмотря на все трудности, включая нехватку материалов и специальных инструментов, мастера не только выполняли срочные заказы, но и принимали участие в городских, сибирских и всероссийских выставках [9, 88; 43; 70, 5]. Особым умением отличались венгры Орци Бела и Ференц Гендыч [65, 40–41; 76, 44; 80, 4]. Последним в марте 1921 года была сделана скрипка, удачно имитировавшая работу известного российского мастера смычковых инструментов начала XX века А. И. Лемана и получившая одобрительные отзывы местных музыкантов [76, 44].

15 августа 1921 года при Красноярском Народном Политехникуме местные власти открыли 3-х месячные курсы по подготовке музыкальных мастеров с целью передачи необходимых знаний европейских специалистов сибирякам [64, 13], куда принимались грамотные совершеннолетние лица обоих полов. По окончании выдавалось свидетельство рабочего-специалиста музыкального дела [47].

Можно предположить, что музыканты-военнопленные вошли и в состав педагогического коллектива Народной консерватории, открытой в апреле 1920 года и явившейся первым постоянно действующим профессиональным музыкальным учебным заведением Красноярска. На это косвенно указывают иностранные

фамилии и европейское специальное образование преподавателей [50, 4; 53, 160–163; 62, 98]. Из уже известных нам имен назовем контрабасиста венгра Б. Штербу, который, согласно документам, работал в учебном заведении в начале 1920-х годов [45; 48; 49; 61, 61; 73, 167].

* * *

Подведем итоги. Значительная роль в распространении, становлении и развитии профессиональной музыкальной культуры в Сибири на протяжении веков принадлежала так называемым «пришлым» творческим силам, оказавшимся в этих суровых краях вследствие различных трагических обстоятельств. Происходившие в истории России социально-политические катастрофы часто удивительным образом несли с собой и импульс для развития культурной жизни сибирских городов. В данной работе мы попытались проиллюстрировать этот феномен на примере музыкальной жизни Сибири в годы Первой мировой войны.

Как видим, оказавшиеся в городах Сибири в числе военнопленных и интернированных лиц музыкально-творческие силы существенно повлияли на динамику развития музыкальной жизни региона. Попав в уже сложившуюся художественную среду (большей частью, любительскую), иностранные музыканты получили возможность творческого общения с местными исполнителями и слушателями. Сибиряки же обрели уникальный опыт прямого контакта с обладавшими ценными знаниями и умениями артистами, непосредственными носителями традиций европейской музыкальной культуры.

Несмотря на ряд тормозящих социально-экономических факторов, музыкально-общественная деятельность военнопленных (совместная с местными творческими силами) в крайне сложные для страны годы обеспечила поступательное развитие музыкальной жизни Сибири, обогатила концертно-театральный пласт, внесла весомый вклад в сферу музыкального образования и оставила заметный след в развитии профессиональной музыкальной культуры. Это сформировало благодатную почву для большевистского музыкально-культурного строительства в регионе, активно развернувшегося с 1920 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автобиографические записки А. П. Иванова-Радкевича, в/ф 3645.
2. Афиши, концертные программы: Д1428; о/ф 9790/4; ПГС 3112.
3. *Бондаренко Е.* Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956): Дис. ... докт. исторических наук. – Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 2004.
4. *Быкова А., Рыженко В.* Культура Западной Сибири: История и современность: [Учеб. пособие]. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2001
5. *Валитов А.* Военнопленные Первой мировой войны в Тобольске [Электронный ресурс] // Интернет-проект «Путь в Сибирь». URL: www.ikz.ru/siberianway.
6. *Валитов А.* Участие пленных иностранцев в общественной жизни Тобольска (1914–1920) // «Aus Sibirien – 2008»: Научно-информационный сб. / Гл. ред. А. П. Ярков – Тюмень: «КоЛеСо», 2008. – С. 36–39.
7. Воспоминания А. П. Иванова-Радкевича, о/ф 9544-2/Д 2709.
8. Генеалогический поиск. Военное дело. [Электронный ресурс] // ЗабГен-Форум URL: <http://zabgen.predistoria.org/forum/index.php>.
9. Годовой отчет о работе отделов Енисейского ГУБОНО за 1921, ф. р-93, оп. 1, д. 92.
10. *Головнева Н.* Музыкальная культура Сибири 1920 – первой половины 1930-х годов // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. / Гл. ред. Б. А. Шиндин. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. консерватории им. М. И. Глинки, 1997. – Т. 3.: Кн. 1., ч. 1.
11. Голос народа. – 1918. – 9 марта.
12. *Гордеев О.* Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.): историко-правовые аспекты проблемы // Актуальные вопросы теории и истории государства и права: Сб. ст. / Отв. ред. С. А. Дробышевский. – Красноярск: Универс, 2002. – С. 30–62.
13. *Греков Н.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. ст. / Ред.-сост. П. П. Вибе – Омск: Изд-во ОГИК музея, 1997. – С. 154–180.
14. *Дегальцева Е.* Вклад ссыльных поляков в социокультурное развитие Сибири во второй половине XIX века // Гуманитарные науки в Сибири. – 2000. – №2. – С. 64–68.
15. Доклад о деятельности подотдела искусств ЕнГУБОНО за 1920, ф. р-169, оп. 1, д. 13.
16. Документы губернских конференций союза Всерабис за 1921, ф. р-169, оп. 1, д. 32.
17. Енисейский вестник. – 1919. – 24 янв.
18. Енисейский вестник. – 1919. – 31 янв.
19. Енисейский вестник. – 1919. – 4 февр.
20. Енисейский вестник. – 1919. – 20 февр.
21. Енисейский вестник. – 1919. – 25 февр.
22. Енисейский вестник. – 1919. – 5 марта.
23. Енисейский вестник. – 1919. – 24 апр.
24. Енисейский вестник. – 1919. – 6 мая.
25. Енисейский вестник. – 1919. – 11 мая.
26. Енисейский вестник. – 1919. – 25 мая.
27. Енисейский вестник. – 1919. – 27 мая.
28. Енисейский вестник. – 1919. – 3 дек.
29. Енисейский вестник. – 1919. – 7 дек.
30. *Иванова Е.* История первого Красноярского концлагеря // Вечерний Красноярск. – 1996. – 12 июля.
31. *Косых Е., Фадеев К.* Сибирский кинематограф (1896–1917) // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: Сб. ст. / Ред. В. А. Скубневский. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2005. – С. 305–318.
32. Красноярский рабочий. – 1918. – 2 апр.
33. Красноярский рабочий. – 1918. – 11 апр.
34. Красноярский рабочий. – 1918. – 25 мая.
35. Красноярский рабочий. – 1918. – 1 июня.
36. Красноярский рабочий. – 1918. – 11 июня.
37. Красноярский рабочий. – 1920. – 3 февр.
38. Красноярский рабочий. – 1920. – 9 марта.
39. Красноярский рабочий. – 1920. – 5 июня.
40. Красноярский рабочий. – 1920. – 22 сент.
41. Красноярский рабочий. – 1920. – 2 дек.
42. Красноярский рабочий. – 1920. – 18 дек.
43. Красноярский рабочий. – 1921. – 5 марта.
44. Красноярский рабочий. – 1921. – 2 апр.
45. Красноярский рабочий. – 1921. – 8 июля.
46. Красноярский рабочий. – 1921. – 20 июля.
47. Красноярский рабочий. – 1921. – 29 июля.
48. Красноярский рабочий. – 1921. – 9 авг.
49. Красноярский рабочий. – 1921. – 13 дек.
50. Красноярскому училищу искусств 70 лет / Сост. В. П. Алексинцев. – Красноярск: Изд-во КУИ, 1990.

51. Курцев А. Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861-1917 гг. На примере центрально-черноземного региона [Электронный ресурс] // Ученые записки: электронный научный журнал Курского гос. ун-та. – 2011. – № 3 (19). Т. 2. URL: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=21>.
52. Лэтчфорд Е. С белой армией в Сибири (Перевод и комментарии – В. Крупник) [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. URL: <http://zaimka.ru/>.
53. Материалы (списки, удостоверения, переписка) по личному составу 1 Советского театра за 1920, ф. р-93, оп. 2, д. 20.
54. Межэтнические связи Приенисейского региона 1917–1992 гг. (Часть II): Сб. док. / Гл. ред. Р. Г. Рафиков. – Красноярск: Арх. агентство администрации Красноярского края, 2007.
55. Народный голос. – 1919. – 26 дек.
56. Наш голос. – 1917. – 8 июня.
57. Недоспасова А. Вклад шведских военнопленных в формирование традиций российского инструментального музицирования // Полтава: судьбы поенных и взаимодействие культур: Сб. ст. / Под ред. Т. А. Тоштендаль-Салычевой, Л. Юнсон. – М.: Изд-во РГГУ, 2009. – С. 107–123.
58. Недоспасова А. Шведский след в истории музыкальной культуры Сибири. Тобольский манускрипт // Проблемы музыкальной науки. – № 1 (6). – Уфа, 2010. – С. 66–70.
59. Носкова В. Военнопленные Первой мировой войны в городе Таре // Социально-экономическое и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья: Материалы IV науч.-практ. конф., посвящ. памяти А. В. Ваганова, 3–4 апр. 2008 г. / Ред.-сост. С. А. Алферов. – Тара: Изд-во А. А. Аскаленко, 2009. – С. 65–70.
60. Оськин М. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. – М.: Вече, 2011.
61. Отчет о работе подотдела искусств Енисейского ГУБОНО за 1920, ф. р-93, – оп. 1. – д. 42.
62. Отчеты о работе политико-просветительского подотдела и его секций за 1920, ф. р-93, оп. 1, д. 45.
63. Ощепков Л. Военнопленные-славяне на территории Пермской губернии в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] // Федеральный вестник Прикамья. – 2007. – № 1. URL: http://www.museum.perm.ru/img/file.php?id_file=433.
64. Протоколы заседаний съездов работников искусства Енисейской губернии за 1921, ф. р-93, оп. 1, д. 65.
65. Протоколы общих собраний коллектива подотдела искусств и заседаний местного комитета за 1921, ф. р-169, оп. 1, д. 28.
66. Протоколы общих собраний служащих 1-го Советского театра за 1920, ф. р-169, оп. 1, д. 5.
67. Протоколы общих собраний служащих фото-кино секций, заседаний месткома за 1920, ф. р-169, оп. 1, д. 10.
68. Роменская Т. Музыкальная культура Сибири от походов Ермака (1582) до крестьянской реформы 1861 года // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. / Гл. ред. Б. А. Шиндин. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. консерватории им. М. И. Глинки, 1997. – Т. 2: Кн. 1.
69. Роменская Т., Селиванов Б. Музыкальная культура Сибири 2-ой половины XIX – начала XX века // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. / Гл. ред. Б. А. Шиндин. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. консерватории им. М. И. Глинки, 1997. – Т. 2: Кн. 2.
70. Сементовский К. Летопись музыкальной жизни Красноярска за период 1917–1925 годы, о/ф 4704-28.
71. Семенова В. Удивительные приключения военнопленных в Хабаровске / интервью с д. и. н. Т. Я. Иконниковой [Электронный ресурс] // Дальневосточная музыка: информационно-музыкальный портал. URL: <http://dvmusic.ru/index/articles/one/full/1493/>.
72. Списки и краткие биографические сведения о работниках ЕнГУБОНО за 1920, ф. р-93, оп. 2, д. 55.
73. Списки учителей и работников школ, техникумов и культурно-просветительских учреждений за 1922, ф. р-93, оп. 2, д. 69.
74. Суржикова Н. Военнопленные Первой мировой войны в Екатеринбурге и на Урале в 1914-1916 гг. (по материалам газеты «Уральская жизнь»)[Электронный ресурс] // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VII Всероссийской науч. конф. URL: http://www.ihist.uran.ru/index/ru/articles?paper_id=16&prn=1.
75. Талапин А. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 – май 1918 гг.): Дис. ... канд. исторических наук. – Омск: Омский гос. пед. ун-т, 2005.

76. Царева Е. На рубеже эпох: из истории струнно-смычкового исполнительства в Красноярске первой четверти XX века // Непрерывное образование в сфере культуры № 7/2010: Сб. ст. – Красноярск: КНУЦ, 2010. – С. 41–51.
77. Чащин А. Военнопленные Первой мировой войны в Сретенске // Сретенский район: история и современность: сб. ст. и материалов. – 2-е изд. – Чита: Экспресс-издательство, 2009. – С. 123–160.
78. Шиловский М. Социально-политические процессы в сибирском городе во время Первой мировой войны (июль 1914-февраль 1917) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: Сб. ст. / Под ред. Ю. М. Гончарова. – Барнаул: Азбука, 2005. – С. 284–295.
79. Шлейхер И. Пленные стран Четверного союза в Сибири: некоторые вопросы транспортировки и содержания в лагерях [Электронный ресурс] // Саратовский гос. ун-т : Официальный сайт. URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9659/12.pdf>
80. Штатное расписание подотдела искусств ГУБОНО и его секций за 1920, ф. р-93, оп. 1, д. 52.